

Берн управляет страной вопреки её интересам

Министерство обороны уже много лет сближает Швейцарию с НАТО, ни разу не спросив мнения народа. 27 сентября швейцарцы наконец смогут сами принять решение.

Урс Маурер-Ламбру

втр 22 сен 2026 17 мин. чтения

В 1813 году молодой греческий дипломат, состоявший на службе у императора Александра I, прибыл в Швейцарию, находившуюся на грани гражданской войны. Уроженец Корфу Иоанн Каподистрия посвятил два года сохранению единства Конфедерации. Затем ему удалось добиться куда более значимого и долговечного результата: на Венском конгрессе он убедил европейские державы в том, что в их общих интересах — существование постоянно нейтральной Швейцарии. 20 ноября 1815 года в Париже Австрия, Франция, Великобритания, Португалия, Пруссия и

Россия подписали декларацию, гарантировавшую этот принцип. Федеральный департамент иностранных дел Швейцарии (FDFA) до сих пор посвящает этому отдельную страницу, признавая, что без этого решения Швейцария сегодня выглядела бы совсем иначе.

Эта гарантия пережила две мировые войны и холодную войну. А сейчас её ликвидируют — и не голосованием, а по решению одного правительственного ведомства.

27 сентября 2026 года швейцарцы будут голосовать за то, чтобы закрепить в Конституции бессрочный и вооружённый нейтралитет. Эта инициатива запретит Швейцарии вступать в какие-либо военные союзы и ограничит её сотрудничество с уже существующими альянсами. Она не позволит стране участвовать в войнах между третьими странами и разрешит вводить санкции только с одобрения ООН. В 2027 или 2028 году избиратели будут решать, повышать ли НДС, чтобы профинансировать масштабную программу перевооружения. На первый взгляд эти два вопроса кажутся разными. На самом деле это одно и то же. Стоит ли швейцарцам доверять свои деньги и свой нейтралитет Министерству обороны?

Ответ — нет, в обоих случаях.

Четыре скандала — ноль последствий

Начнем с RUAG — государственной компании, занимающейся вооружениями и техническим обслуживанием. Ее история как нельзя лучше показывает, что бывает, когда государственное предприятие фактически выходит из-под контроля ведомства, которому оно подчиняется.

В августе 2019 года информатор сообщил Федеральному департаменту обороны (DDPS) и совету директоров RUAG о возможных нарушениях при продаже танков Leopard. Утверждалось, что танки и запасные части продавались по ценам значительно ниже рыночных. Однако эти обвинения никто не расследовал.

Шесть лет спустя, в феврале 2025 года, Федеральное контрольно-ревизионное управление Швейцарии опубликовало результаты своей проверки. В отчете говорится о подозрениях в мошенничестве, хаосе в учете складских запасов и совете директоров, который явно переоценил собственные возможности по осуществлению надзора. Аудиторы указывают на серьезные признаки действий, которые могут носить уголовно наказуемый характер, и оценивают ущерб в десятки

миллионов франков. Позднее Контрольная комиссия парламента охарактеризовала действия департамента после получения этого сигнала как «далекие от оптимальных».

Те же аудиторские проверки показали, что в 2016 году RUAG приобрела у итальянской армии 100 подержанных танков Leopard 1 — не соблюдая собственные правила согласования, без документально подтвержденного одобрения совета директоров и не уведомив своего владельца, то есть Конфедерацию. Танки остались на хранении в Италии, вне поля зрения Берна. Проверки выявили и еще более фундаментальную проблему: в период с 2014 по 2023 год RUAG провела 1 140 списаний и 1 319 корректировок складского учета без согласия армии. При этом полноценная физическая инвентаризация ни разу не проводилась. Левые партии потребовали создать парламентскую комиссию по расследованию — такой механизм в последний раз применялся в отношении этого департамента во время «картотечного скандала» 1989 года. Однако правоцентристское большинство эту инициативу отклонило.

К этому добавился и скандал с выплатой выкупа. Осенью 2025 года группировка Akira взломала небольшую дочернюю компанию RUAG в штате Вирджиния (США). Эта компания обеспечивает техническую поддержку швейцарского парка истребителей F-5 и F/A-18. Было похищено около 24 гигабайт данных. Несмотря на рекомендации Федерального ведомства по кибербезопасности, RUAG заплатила злоумышленникам выкуп. Министерство обороны узнало об этом, как и все остальные, лишь в июне 2026 года, когда председатель совета директоров в эфире радио SRF упомянул о выплате «небольшой суммы». В августе Министерство обороны завершило расследование и не нашло оснований для претензий к RUAG. Аргументация была следующей: компания, действующая по нормам частного права, самостоятельно принимает решения по подобным вопросам. Таким образом, Министерство обороны, которое критиковали именно за недостаточный контроль над RUAG, пришло к выводу, что выплата выкупа, о которой его даже не поставили в известность, его не касается.

Четвертый скандал оказался самым дорогостоящим со стратегической точки зрения. Завод боеприпасов в Туне снабжал швейцарскую армию с 1863 года. В марте 2022 года, через две недели после начала российской военной операции на Украине, RUAG продала его итальянской компании Beretta вместе со всем подразделением по производству малокалиберных боеприпасов; покупатель обязался сохранить производство в Туне как минимум до 2027 года. Однако в октябре 2024 года Beretta предупредила, что завод в Туне больше не является рентабельным. По словам самого главы Федерального ведомства вооружений, ответом Министерства обороны стало увеличение заказов на боеприпасы.

Впоследствии правительство официально признало, что швейцарский рынок слишком мал, чтобы обеспечить предприятию необходимый объем заказов, и исключило возможность его обратного выкупа. Виола Амхерд признала, что теперь решение о продаже выглядит иначе, а ее преемник Мартин Пфистер впоследствии прямо назвал его ошибкой. Но признание ошибки постфактум — это еще не политика.

Зависимость от зарубежных поставок боеприпасов в случае кризиса была бы «фатальной с точки зрения политики безопасности», [предупредил в феврале 2025 года Вернер Зальцман](#), член Совета кантонов от Швейцарской народной партии (SVP).

Швейцарские деньги, американская казна

История RUAG показывает, к чему приводит неспособность Берна контролировать собственную компанию. А контракты с США — что происходит, когда он доверяется правительству, которое не держит своего слова.

В 2020 году избиратели одобрили закупку новых истребителей большинством всего в 50,1 процента — при обещании, что расходы составят «не более 6 миллиардов франков». Чиновники настаивают, что цена F-35 была юридически зафиксирована. Это не так. В рамках американской системы Foreign Military Sales покупатель получает лишь расчетную стоимость, а не обязательную фиксированную цену, и сам несет все дополнительные расходы в случае ее увеличения. Сейчас удорожание оценивается в сумму от 650 миллионов до 1,3 миллиарда франков. Федеральный совет решил не выходить за утвержденный финансовый лимит. В марте 2026 года он запросил у парламента дополнительно 394 миллиона франков и теперь намерен приобрести около тридцати самолетов вместо тридцати шести. В сентябре [парламентская Контрольная комиссия пришла к выводу](#), который в самом министерстве никто не хотел признавать: никакой фиксированной цены никогда не было.

Тот же сценарий повторился и в самой Швейцарии. Парламент одобрил 120 миллионов франков на строительство ангаров и другой инфраструктуры в Пайерне, Эммене и Майрингене — причем эта сумма была определена еще в 2018 году, до того как был выбран тип самолета. Теперь Федеральное контрольно-ревизионное управление Швейцарии [оценивает затраты как минимум в 200 миллионов франков](#), не включая более 50 миллионов франков расходов по связанным проектам.

А что представляет собой сам самолет? В апреле 2024 года руководитель программы F-35 в США сообщил Конгрессу, что **лишь 29 процентов американского парка этих истребителей были полностью готовы к выполнению боевых задач**. Министр ВВС США назвал этот показатель «неудовлетворительным». Счетная палата США (GAO) **оценивает совокупную стоимость программы за весь срок ее существования более чем в 2 триллиона долларов**, при этом прогноз расходов на эксплуатацию растет практически с каждым новым расчетом.

С закупкой систем Patriot ситуация еще хуже. В этом случае Швейцария фактически утратила контроль даже над собственными платежами. Вашингтон объявил о задержках поставок, которые Федеральный совет теперь оценивает в пять–семь лет. Осенью 2025 года Берн приостановил платежи, рассчитывая таким образом оказать давление на США. Однако в марте 2026 года **SRF сообщил, что американская сторона просто списала необходимые средства со счета, предназначенного для закупки швейцарских F-35**, поскольку обе программы финансируются через один и тот же трастовый фонд системы FMS. Глава Федерального ведомства вооружений сообщил лишь, что речь идет о нескольких сотнях миллионов франков: Вашингтон попросил его не раскрывать более точную сумму. Саму ситуацию он охарактеризовал как «крайне неудовлетворительную» (sehr unbefriedigend).

Теперь Федеральный совет ожидает, что **стоимость системы Patriot вырастет примерно на 50 процентов** — примерно с 2 до 3 миллиардов франков. И это за систему, реальная эффективность которой при перехвате целей вызывает споры еще со времен войны в Персидском заливе, после того как **аудиторы Конгресса США** пришли к выводу, что заявленные армией показатели успешных перехватов не подтверждаются имеющимися данными.

«Досадно, когда приостанавливаешь платежи, а деньги в итоге все равно каким-то образом перечисляются». — Вернер Зальцман

Длинная череда других провалов

RUAG и две американские программы — лишь самые громкие примеры. На деле это только вершина айсберга в длинном списке провалов, зафиксированных Федеральным контрольно-ревизионным управлением Швейцарии:

- **Беспилотники Hermes 900.** В 2015 году парламент одобрил закупку шести израильских разведывательных беспилотников стоимостью чуть менее 300 миллионов франков с поставкой в 2019 году. **Одиннадцать лет спустя** они по-

прежнему не способны выполнять полеты автономно. Они летают только в дневное время и в сопровождении пилотируемых самолетов, а полной эксплуатационной готовности ожидают не раньше 2029 года.

- **Логистическая система SAP.** Система стоимостью 240 миллионов франков была закуплена специально для того, чтобы армия могла функционировать в условиях войны. Однако выяснилось, что она зависит от зарубежных облачных сервисов и перестает работать, как только пропадает сетевое соединение. Создать логистику, устойчивую к кризисным условиям, [теперь обещают примерно к 2035 году](#).
- **SkyView.** Стоимость системы наблюдения за воздушным пространством [выросла более чем вдвое](#) — со 155 до 314 миллионов франков.
- **Разделение ИТ-систем.** Проект по разграничению гражданских и военных ИТ-систем армии с 2016 года уже обошелся примерно в 116 миллионов франков, и еще 100 миллионов заложено в бюджет. [Аудиторы оценивают его шансы на успех лишь «с оговорками»](#).

Если рассматривать каждый из этих случаев по отдельности, любой из них можно было бы счесть единичным сбоем. Но вместе они складываются в картину ведомства, неспособного ни нормально планировать, ни грамотно вести переговоры, ни контролировать своих поставщиков.

Счет на сегодняшний день	Сумма
F-35 — удорожание	С 650 миллионов до 1,3 миллиарда франков
F-35, инфраструктура и сопутствующие проекты	не менее 130 миллионов
Patriot, рост затрат	до примерно 1 миллиарда
SkyView, превышение бюджета	159 миллионов
RUAG, убытки, связанные с мошенничеством	на сумму в несколько десятков миллионов
Всего	Примерно до 2,7 миллиарда франков

И это не считая [4,2 миллиарда франков](#), выделенных на семь крупнейших ИТ-программ Министерства обороны.

Квоты, DEI и узкий круг своих

Деньги — это только половина проблемы. Другая половина проблемы — в тех, кого назначают, и в тех, кто их защищает.

Вопрос квот. При Виоле Амхерд Министерство обороны поставило цель увеличить долю женщин в вооруженных силах примерно с 1,6 процента — то есть [около 2 300 женщин](#) — до 10 процентов к 2030 году и создало для этого специальное подразделение [«Женщины в вооруженных силах и многообразии»](#). Ее преемник Мартин Пфистер продолжает придерживаться того же курса. В министерстве говорят не о квотах, а о «целевых показателях». По сути, разница невелика. Как только количественный ориентир начинает учитываться при наборе и продвижении по службе, желаемый результат задается еще до оценки кандидатов, а их профессиональные качества отходят на второй план. В пользу такого подхода можно приводить свои аргументы. Но называть его все же следует своим именем. И пока что этот подход даже не приносит результата. В октябре 2025 года издание *20 Minuten* отмечало, что доля женщин в армии практически не изменилась.

Дука Видмер: квота в действии. Инженер-химик, специалист по экологической реабилитации и на протяжении [шестнадцати лет депутат Большого совета Тичино](#) от Христианско-демократической народной партии (PDC), к которой принадлежала и сама министр, Моника Дука Видмер не имела никакого опыта в оборонной сфере, когда в 2019 году Виола Амхерд [добилась ее назначения председателем BGRB](#) — холдинговой компании, которой было поручено провести реструктуризацию RUAG.

В 2023 году Дука Видмер вошла в совет директоров RUAG MRO. Когда в 2024 году ее кандидатуру выдвинули на пост председателя, *Blick* свел аргумент в ее пользу к одной фразе: она женщина. Аргумент против состоял в том, что к тому моменту она уже несколько лет находилась у руководства RUAG, но так и не сумела навести порядок в компании. В 2025 году она оказалась в числе трех членов совета директоров, которым Федеральный совет в связи с делом о мошенничестве предоставил лишь условное освобождение от ответственности, после чего она не стала выдвигаться на новый срок. То же произошло и с Сибилле Миндер Хохройтнер — представительницей академической среды, не имевшей связей ни с оборонной отраслью, ни с какой-либо политической партией. Ее пример показывает, что профильный опыт в оборонной сфере для членства в совете директоров RUAG, по сути, вовсе не считался обязательным.

Николя Перрен возглавлял RUAG MRO с момента ее создания в 2020 году и был назначен на этот пост по рекомендации самой Виолы Амхерд. Он приходится родственником по браку Бригитте Хаузер-Зюсс — давней личной помощнице и близкой соратнице министра. Летом 2023 года Перрен публично встал на защиту Амхерд в скандале вокруг танков Leopard, утверждая, что RUAG заключила контракт самостоятельно и лишь постфактум поставила министра в известность. [О его уходе было объявлено 20 февраля 2024 года](#) — в тот самый день, когда

Федеральное контрольно-ревизионное управление Швейцарии опубликовало первые результаты проверки сделок с танками. Причины его ухода названы не были, при этом он оставался в должности еще десять месяцев.

За пределами квот: сеть связей. Пяльви Пулли, уроженка Финляндии, за шесть лет сделала стремительную карьеру в подразделении Министерства обороны, отвечающем за политику безопасности. В 2018 году она возглавила это направление, в 2019 году получила ранг посла, а в 2024 году стала **заместителем государственного секретаря**. Именно при ее руководстве были подготовлены Доклад по политике безопасности 2021 года, дополнение к нему 2022 года и Стратегия 2026 года — документы, заложившие основу для дальнейшего сближения Швейцарии с НАТО. Хотя Виола Амхерд считала Пулли своим предпочтительным кандидатом на пост главы нового Государственного секретариата по вопросам политики безопасности (SEPOS), в итоге ее кандидатуру отклонили: даже внутри самого министерства ее профиль сочли **«слишком интернационалистским»**. Слишком интернационалистский — чтобы возглавить секретариат, но не настолько, чтобы формировать его доктрину. В июле 2026 года Пулли покинула Министерство обороны «по взаимному согласию», получив выходное пособие в размере восьмимесячной зарплаты. В вышедшей в этом году книге также содержатся утверждения, касающиеся ее частной жизни. После вмешательства ее адвоката книга была изъята из продажи; сама Пяльви Пулли эти утверждения отвергает, поэтому мы не будем их здесь повторять.

Здесь действуют два разных принципа: с одной стороны — количественные целевые показатели, с другой — замкнутость узкого круга элиты. Причем второй фактор никак не связан с полом, что наглядно показали провалы с F-35 и RUAG. И одно никак не оправдывает другое. Единственным критерием должна быть компетентность. Реальные провалы Министерства обороны — мошенничество, история с танками, замятый отчет — стали следствием порочной системы управления и ответственности, а не пола тех, кто в нее входит.

Последствия, если они вообще наступали, оставались минимальными. В 2025 году трем членам совета директоров предоставили лишь условное освобождение от ответственности, после чего они не стали выдвигаться на новый срок. В течение нескольких недель свои посты покинули министр, главнокомандующий вооруженными силами и глава разведки, однако официально ни один из этих уходов не был связан с RUAG. Публичной ответственности не понес никто. В небольшой стране те, кто назначает, контролирует и оправдывает, слишком часто оказываются одними и теми же людьми.

Кто все это санкционировал?

Ответ Федерального совета на все эти обвинения строится на разграничении двух понятий: права нейтралитета, которое, как утверждается, ни разу не было нарушено, и политики нейтралитета, которую правительство считает вправе менять по своему усмотрению. Однако это разграничение — не более чем уловка. В 1815 году великие державы гарантировали Швейцарии постоянный нейтралитет, а не такой нейтралитет, которого придерживаются лишь тогда, когда это удобно, и от которого отказываются, как только усиливается давление со стороны Брюсселя и Вашингтона. Нейтралитет, который министерство может корректировать по своему усмотрению, уже не является постоянным. Если правительство считает, что это обязательство больше не отвечает интересам страны, честным решением было бы прямо об этом сказать и попросить народ освободить Швейцарию от него. Но на такой шаг никто так и не решился.

Тем временем Министерство обороны не сидело сложа руки. Оно направляло швейцарских военнослужащих на учения в Польшу и Болгарию, внедряло стандарты оперативной совместимости с НАТО и создало новый Государственный секретариат по вопросам политики безопасности. Ни одно из этих решений никогда не выносилось на всенародное голосование. Ирония заключается в том, что одной из первых стран, против которых Швейцария ввела санкции, стала именно та страна, чей представитель когда-то добился международного признания ее нейтралитета.

Есть, однако, документ, в котором позиция Министерства обороны была изложена вполне недвусмысленно. Летом 2024 года Федеральный департамент иностранных дел подготовил прямое контрпредложение к инициативе о нейтралитете. Это была далеко не формальность. В нем сохранялись принципы постоянного и вооруженного нейтралитета, отказ от участия в военных союзах и ограничения на сотрудничество; исключить предлагалось лишь положения, касающиеся санкций. Такой компромисс мог бы устроить обе стороны. [Внутренние документы, полученные *Blick*](#) на основании закона о свободе информации, показывают, как на это отреагировал Государственный секретариат по вопросам политики безопасности при Министерстве обороны. В нем предупредили, что принятие контрпредложения означало бы «явную смену курса и существенное ограничение возможностей для сотрудничества». В Федеральном совете верх одержал Игнацио Кассис, тогда как Ги Пармелен, выступавший за контрпредложение, оказался в меньшинстве.

Вчитайтесь еще раз. Федеральное ведомство выступило против закрепления вооруженного нейтралитета в Конституции не потому, что это было бы незаконно, неразумно или слишком дорого, а потому, что это связало бы ему руки.

Некоторые из тех, кто хорошо знаком с внутренней кухней Министерства обороны, идут еще дальше. В книге "Сеть НАТО в Швейцарии", вышедшей в августе 2026 года, Рафаэль Лутц цитирует бывшего министра обороны Ули Маурера, который говорит о волне чисток. Бывший руководитель учебного подразделения разведывательной службы утверждает, что многие из его прежних коллег сегодня готовы пожертвовать Швейцарией ради интеграции в НАТО. Министерство обороны отрицает какую-либо политическую фильтрацию при кадровых назначениях и продвижении по службе. Впрочем, иного ответа от него вряд ли можно было ожидать, а документов, которые могли бы однозначно доказать обратное, скорее всего, никогда не появится.

Счет предъявлен

Исходя из этой оценки, Федеральный совет требует значительно больше средств. В своем послании от 12 августа 2026 года он запросил 24 миллиарда франков — вся эта сумма предназначена исключительно для закупки вооружений. Поскольку механизм «долгового тормоза» не позволяет финансировать эти расходы за счет обычных заимствований, правительство решило обратиться к НДС. Проект, вынесенный на общественное обсуждение, предусматривал повышение ставки на 0,8 процентного пункта сроком на десять лет. В окончательном варианте предлагается повысить ее на 0,5 процентного пункта на двенадцать лет, одновременно разрешив специальному фонду вооружений привлекать заемные средства на сумму до 6 миллиардов франков. Цифра стала меньше, срок — длиннее, но сам механизм остался прежним: расходы предлагается финансировать за счет налога на потребление, который платит каждый при любой покупке независимо от уровня дохода.

Опросы общественного мнения показывают, что избиратели, скорее всего, отклонили бы это предложение. Партия «Центр» поддерживает повышение НДС, тогда как Либерально-радикальная партия (PLR) и Швейцарская народная партия (UDC) выступают против. В сентябре Комиссия Совета кантонов по политике безопасности отклонила предложение правительства восемью голосами против трех. Теперь она совместно с Финансовой комиссией предлагает повысить НДС лишь на 0,2 процентного пункта, а недостающие средства покрыть за счет заимствований: до 6 миллиардов франков по версии Финансовой комиссии и до 12

миллиардов — по версии Комиссии по политике безопасности. Кроме того, фонд ежегодно получал бы по 500 миллионов франков из неиспользованных бюджетных средств и действовал бы до 2045 года.

Обратите внимание: в этом компромиссном варианте никто не оспаривает сам фонд. Повышение НДС требует внесения поправки в Конституцию, а значит, автоматически будет вынесено на референдум — самое раннее в июне 2027 года. Закон о фонде, однако, такого требования не предусматривает. Это обычный закон, и референдум по нему состоится лишь в том случае, если 50 000 граждан соберут необходимые подписи. И даже если повышение налога будет отклонено, [как сообщает ATS](#), сам фонд все равно останется. Когда стало ясно, что повышение налога непопулярно, власти предпочли не отстаивать его открыто, а искать способы обойти мнение тех, кому в конечном счете пришлось бы за него платить.

Два референдума — две реакции

Все это не значит, что Швейцарии не нужна армия. Ей нужна армия, которая работает.

Начнем с того, что не требует никаких дополнительных расходов. Вашингтон уже дважды показал, что не соблюдает собственные обязательства. Следует приостановить платежи по двум американским программам и потребовать, чтобы цены и сроки поставок были зафиксированы письменно и в четко установленный срок. Если система Foreign Military Sales не позволяет этого сделать, пусть Вашингтон заявит об этом публично, а парламент открыто решит, готова ли Швейцария и дальше закупать вооружения на таких условиях. Именно этой дискуссии в 2021 году так и не состоялось.

Теперь о деньгах. Ответ — нет, независимо от того, в какой форме предлагается их выделить: через повышение налогов, бюджетные расходы или новые заимствования. Ведомству, которое на протяжении пятнадцати лет не способно должным образом учитывать собственное имущество, которое парламент отказался подвергнуть полноценному расследованию через специальную комиссию и чей новый министр пока не показал готовности менять унаследованную систему, нельзя давать еще больше средств. Никакие дополнительные деньги сами по себе не способны решить проблему такого рода.

И 27 сентября — проголосуйте «ЗА». Не потому, что инициатива хорошо сформулирована — это не так, и Федеральный совет справедливо отмечает, что часть ее положений лишь повторяет уже действующее законодательство. А потому, что альтернатива означает оставить все там, где оно находилось последние

тридцать лет: в ведении министерства, в руках чиновников, которых никто не может уволить. Если впоследствии парламент захочет предложить другой вариант, он сможет обратиться с ним к народу.

Что касается денег — больше ни франка, пока Министерство обороны не докажет, что способно отчитаться за то, чем уже располагает. По вопросу нейтралитета — ДА. Берн не должен отказываться от того, что было гарантировано в Париже в 1815 году.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ Швейцария НАТО